

А. П. САВИЦКИЙ

САТТАРХАН
АБДУЛГАФАРОВ—
ПРОСВЕТИТЕЛЬ-ДЕМОКРАТ

Абдурахмонов Мухаммаджан
ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИИВН 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЗБЕКИСТАН»

ТАШКЕНТ — 1965

Савицкий А. П.

Саттархан Абдулгафаров — просветитель-демократ.
«Узбекистан», 1965.

48 стр.

1. Абдулгафаров Саттархан, о нем.

9(C52)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем больше мы знакомимся с документами, хранящимися в архивах республики, тем заметнее становятся наши пробелы в знании многих деталей истории страны времен присоединения Узбекистана к России и последующих лет до конца прошлого века. Это особенно касается истории общественной мысли и культуры узбекского общества того времени и ее прогрессивных представителей, имена которых оставались в забвении до самых последних лет.

Многочисленные документы не оставляют сомнений в том, что в годы, предшествующие присоединению и особенно в период завоевания Ташкента, на территории современного Узбекистана существовали политические группы из числа местных жителей.

Наряду со сторонниками организации сопротивления завоевателям (Домулла Салих-бек), действовала не менее, а пожалуй, еще более влиятельная и сильная организация сторонников присоединения Ташкента к России, имевшая своих единомышленников и в других городах страны (Сеид Азимбай Мухамадалиев, Шарфий, Юнус Ходжа и др.). Их деятельность оказала существенное влияние на процесс присоединения Туркестана к России вообще и Ташкента в частности, бывшего в то время крупнейшим торговым и культурным центром с политически активным господствующим классом. Завоевание Ташкента русскими явилось не только важнейшим этапом в процессе присоединения, но и в значительной мере предопределило весь этот процесс.

Несомненно также, что развитие просветительно-демократического направления общественной мысли узбекского народа, в результате чего возник контакт с прогрессивной русской культурой, произошло в годы присоединения и этим объясняется, то, что первые борники такого контакта жили в этот период. Культурное пробуждение народов Средней Азии (появление новометодной школы, книгопечатания и периодической печати) связано именно с процессом присоединения к России, в течение которого «зарождались и развивались последовательно демократические элементы национальной культуры среднеазиатских народов, то есть те ее элементы, которые в известной мере создали условия для рождения ее нового качества — социалистического содержания»¹.

Среди просветителей, действительно выражавших думы и чаяния народов Средней Азии, имя Саттархана Абдулгафарова занимает особое место.

Изучение его жизни и деятельности представляло значительные трудности, прежде всего потому, что, кроме нескольких дореволюционных публикаций в после-революционной литературе, имя С. Абдулгафарова не упоминалось вовсе. Лишь в газетной статье А. Усманова², были изложены основные этапы его жизни и деятельности. К сожалению, и рукописный архив просветителя не сохранился.

Оставшиеся в живых родственники Саттархана помогли лишь частично восстановить некоторые данные его биографии и передали несколько автографов ученого. Сыновья С. Абдулгафарова — Акмальхан, Азимхан и Искандерхан при жизни неуклонно следовали заветам отца, до революции работали на ниве культуры, а затем активно участвовали в советском строительстве. Двое его внуков Абуд и Мейман погибли на фронтах Отечественной войны. Две дочери Саттархана — Саодат и Хосият ныне живут в Ташкенте.

¹ Ш. Рашидов «Навеки вместе с русским народом». Журнал «Коммунист», № 10, 1959, стр. 41.

² Саттархон — замечательный узбекский просветитель, «Правда Востока», 24 мая 1959 г.

Саттархан Абдулгафаров был представителем высшего ханского чиновничества, в колоннальный период занимал пост судьи. Однако своих детей он воспитал в духе глубокого уважения к русскому народу, его языку и культуре. Один из видных царских чиновников генерал Н. С. Лыкошин писал после смерти просветителя:

«Умерший не оставил после себя значительных средств и сыновьям Саттархана, получившим начальное образование в гимназии и семинарии, придется своим трудом добывать средства к жизни в среде русских людей, которая стала для них, можно сказать, родною. Положение этих молодых людей легче уже потому, что они с детства усвоили себе привычку к новым жизненным условиям, и им не придется переживать тех мучительных сомнений, которые не оставляли всю жизнь старика Саттархана.

Значительное содействие нам оказал племянник Саттархана, старый большевик Исламхан Умирханов. Некоторые данные о С. Абдулгафарове удалось найти в материалах Республиканского исторического архива.

Конечно, данное небольшое исследование не может иметь исчерпывающего значения. Выражаем надежду, что будущие исследователи продолжат изыскания с тем, чтобы воссоздать в необходимой полноте образ Саттархана Абдугафарова — демократа и ученого, в жизни которого были и мучительные сомнения, и горесть одиночества, мужественно преодолевшего препятствия, мешавшие признать единственно исторически-правильный путь для своего народа, истинным патриотом которого он был всю свою жизнь.

Колоннальное положение Туркестана, естественно, тормозило прогрессивное развитие края. Тем большая заслуга Саттархана — патриота и мыслителя, сумевшего еще в начале века увидеть чудный свет, озаривший его любимую родину после Великой Октябрьской Социалистической революции и закрепивший навсегда ту дружбу между народами, неустанным пропагандистом которой был Саттархан Абдулгафаров.

САТТАРХАН АБДУЛГАФАРОВ. ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В истории развития и укрепления дружбы между народами Туркестана и русским народом выдающееся место принадлежит одному из представителей демократической узбекской интеллигенции Саттархану Абдулгафарову, чья роль просветителя особенно важна, так как его деятельность относится к первым годам после присоединения Средней Азии к России, когда в настроениях влиятельных местных кругов господствовали чувства недоверия и настороженности по отношению к русским.

Присоединение Средней Азии к России внесло существенные изменения в общественные отношения и в значительной степени повлияло на выразителей общественной мысли того времени. Упрощенное представление о том, что эти изменения можно свести лишь к протесту и сопротивлению, является антиисторичным и полностью опровергается фактическими данными. В узбекском обществе того времени имелись представители различных точек зрения на вопрос о путях исторического развития народов Средней Азии. Имеющиеся источники открывают нам ряд новых имен деятелей, которые высказывали передовые, демократические взгляды. Так, например, еще до овладения русскими Ташкентом и в первые годы после завоевания в городе существовала группа во главе с Сеид Азимбаем Мухамадалиевым, являвшаяся последовательной сторонницей установления дружбы с русскими. Ныне мы можем восстановить деятельность прогрессивных деятелей шестидесятых и семидесятых годов прошлого века. Известно, что в на-

чале семидесятых годов представители узбекской интеллигенции выступали с предложением перевести узбекскую письменность на русскую графику.

У Саттархана Абдулгафарова, таким образом, были и предшественники и современники, одинаково относившиеся к происходящим событиям и оценивавшие действительность, но среди всех Саттархан выделялся своей твердостью и последовательностью. Поэтому из общего исследования жизни и деятельности представителей прогрессивной демократической общественной мысли Узбекистана второй половины XIX века мы выделили Саттархана Абдулгафарова. Это, по нашему мнению, вполне целесообразно, так как соответствует особому месту, которое должен занять в истории С. Абдулгафаров — прогрессивный деятель, просветитель и ученый.

Сохранившиеся биографические данные¹, некоторые архивные материалы и свидетельства родственников дают возможность сравнительно подробно восстановить основные этапы большой жизни просветителя.

Саттархан Абдулгафаров родился в г. Чимкенте в 1843 году. Дед его Мумин хан Ходжа Ишан и отец Абдул Гафар Ходжа Ишан были учеными богословами, весьма влиятельными среди жителей города. Отец Саттархана обучался в Ташкентском медресе «Ходжа Ахрар» и наставником его был известный Домулла Салих-бек².

Саттархан Абдулгафаров сначала учился у своего деда, а когда мальчику исполнилось 14 лет, его отправили для продолжения образования в Ташкентское медресе «Шукур-Хан».

Через шесть лет, в 1862 году, успешно закончив курс обучения, Саттархан возвратился в Чимкент, где

¹ Воспоминания Саттархана Абдулгафарова, помещенные Н. П. Остроумовым в его книге «Сарты. Этнографические материалы». Изд. 2-е, Ташкент, 1896, стр. 190—215.

² После занятия Ташкента в 1865 г. генерал Черняев выслал Домуллу Салих-бека как одного из влиятельнейших противников новой власти.

выполнял обязанности муфтия¹, и приобрел известность как большой знаток шариатского правоведения, арабского и персидского языков. В этой должности Саттархан оставался до 1864 года, когда Чимкент был занят русскими войсками, хотя все были уверены, что вновь возведенные укрепления, и сильный с большой артиллерией гарнизон, делали город неприступным.

Это было столь неожиданно, что и Саттархан разделал охватившую всех панику и бежал из города в Ташкент. Здесь он вскоре получил известие о том, что его родители и родственники живы. С большими трудностями, минуя сторожевые посты кокандских войск, обходными путями через район Чимгана, Абдулгафаров вернулся в Чимкент.

Саттархан вспоминает, что и после того, как русские войска вошли в Ташкент, у всех чимкентцев еще сохранялась надежда на то, что бухарский эмир напишет письмо русскому генералу и тот немедленно удалится со своими войсками из Туркестана. Чувство недоверия к русским продолжало господствовать и принимались все меры к тому, чтобы избежать общения с ними. Образ жизни русских был совершенно неизвестен, о них распространялись самые нелепые представления.

В эти дни случай свел Саттархана Абдулгафарова с офицером русских войск, артиллеристом Еникеевым.

Знакомство переросло в дружбу. Саттархан обучал офицера персидскому языку, а Еникеев стал учить Саттархана русской грамоте и знакомить его с жизнью русских и других народов, а также с достижениями науки того времени. Такое плодотворное общение вскоре изменило представления Абдулгафарова и он начал понимать, что «жить в отчуждении от русского народа нельзя».

Дружба с Еникеевым вызвала недовольство земляков Саттархана. К нему начали относиться с недоверием и, надо полагать, что это обстоятельство вынудило Абдулгафарова оставить должность муфтия, а затем и казия.

¹ Должность при шариатском судье — казии, толкователь законов.

Саттархан Абдулгафаров в годы своей службы в Ташкентской учительской семинарии (1884—1889 гг.).

В 1873 году Саттархан был назначен учителем первой в Туркестанском крае русско-туземной школы, открытой в г. Чимкенте. Полезная деятельность его на педагогическом поприще восстановила прежний авторитет Саттархана. По его словам «к тому времени население города Чимкента забыло свою вражду ко мне; возникшая против меня несправедливость разъяснилась в мою пользу, я снова имел влияние на своих знакомых чимкентских жителей, убеждал их, чтобы они отдавали своих сыновей в русскую школу». С этого времени в течение всей своей жизни С. Абдулгафаров оставался неустанным и убежденным пропагандистом русской школы, изучения русского языка и светских знаний.

В Чимкентской школе он работал всего два года и вынужден был ее оставить в связи с назначением его казначей в г. Коканд.

В 1876 году через несколько месяцев после назначения на эту должность Саттархан Абдулгафаров и другие представители Туркестана — Джура-бек, Шир-Мухаммед и Абдулла Ниязов были командированы в Петербург на Международный съезд ориенталистов (востоковедов). Поездка и пребывание Саттархана в России оставили неизгладимый след в его жизни и мировосприятии. Просветитель вспоминал позже: «Поездка в Петербург доставила мне возможность в первый раз увидеть разные города и обе столицы России и сравнить их с нашими туркестанскими городами. В Оренбурге я увидел все особенности русского города и удивлялся красоте и большим размерам каменных домов, ширине и прямизне улиц, чистоте дорог и т. д. Город Самара произвел на меня еще лучшее впечатление, и я еще больше удивлялся хорошим порядкам русских городов. В Самаре я увидел самую большую реку России — Волгу и любовался величиною ее и красотой ее берегов. Сотни пароходов быстро бежали по Волге в разные стороны».

Далее С. Абдулгафаров рассказывает о том, как впервые он познакомился с устройством парохода, с удивлением и восхищением ехал в железнодорожном вагоне и выходил на каждой станции, чтобы побыть у паровоза. Но больше всего поразило Саттархана добро-

желательное, внимательное отношение к нему со стороны русских спутников.

«...Мое небольшое знание русского языка помогло мне в этом случае. Я свободно обращался к своим соседям по вагону во время дороги с разными вопросами и образованные соседи мои охотно отвечали на все мои вопросы. Во время этих разговоров я более и более убеждался, что мы, туркестанские мусульмане, жили однообразной жизнью, мало видели свет, мало знали людей других государств и очень отстали во всех отношениях от русского народа.

Так мы доехали, наконец, до Москвы, этой древней столицы Русского государства. В огромном городе я совершенно терялся, но желание посмотреть такой замечательный город заставило меня выйти из квартиры, и я долго ходил по улицам. В разных местах я останавливался, прочитывал разные надписи на магазинах и обращался к проходившим людям с вопросами. Мне любезно давали ответы... Эта черта в характере русских людей мне очень понравилась: я удивился, что русские люди не обращали внимания на мою туркестанскую одежду и без всякой гордости разговаривали со мной».

Из Москвы С. Абдулгафаров выехал в Петербург на съезд востоковедов. О его впечатлениях и том значении, которое имел конгресс для формирования мировоззрения Саттархана, мы рассказываем ниже.

После возвращения из России Саттархан Абдулгафаров продолжал до 1881 года работать казием в городе Коканде. Он прибыл сюда вскоре после упразднения Кокандского ханства. Новые власти после ликвидации волнений в ханстве продолжали наталкиваться на резкую оппозицию со стороны феодалов и клерикальных элементов, интересы которых были ущемлены ликвидацией прежних привилегий. В этих условиях русские власти крайне нуждались в честном и независимом человеке на ответственном юридическом посту. Саттархан стремился честно и с пользой выполнять свои обязанности и это сразу же вызвало враждебное к нему отношение со стороны местной знати. Всякого рода ложные доносы, угрозы, провокационные действия

сопровождали его деятельность во время пребывания в Коканде.

Заслуживают внимания найденные нами архивные документы¹, относящиеся к этому времени.

Военный губернатор Ферганской области генерал Абрамов 12 декабря 1880 года сообщал, что расследование жалобы, поданной Туркестанскому генерал-губернатору по поводу взяточничества казия Саттархана Абдулгафарова, было произведено начальником Кокандского уезда подполковником Батыревым, который, «произведя самое строгое дознание — справедливости этой жалобы не удостоверил». Больше того, лица на которые делалась ссылка в жалобе, заявили, что никто из них жалобы на Саттархана не подавал и они даже не слышали, чтобы кто-нибудь из народа были недовольны указанным казием. Опрошенные давали совершенно иные показания, подтверждали справедливость казия при разборе дел и утверждали, что последний получал за разбор дел и раздел наследства — меньше того, что ему причиталось по шарияту.

Со своей стороны подполковник Батырев докладывал, что он лично никогда не слышал ни о каких злоупотреблениях со стороны Саттархана Абдулгафарова, не подтверждались эти сведения и путем «негласных расспросов». Он полагал, что жалобы были поданы личными врагами казия. В доказательство популярности и уважения, какими пользовался Саттархан, кокандский уездный начальник приводит неоднократные случаи, когда местные жители ходатайствовали, о том, чтобы их дела передавались для решения казию Саттархану, хотя они к его участку и не принадлежали.

Генерал Абрамов также подтверждал честность и безупречность служебной деятельности Абдулгафарова в Коканде, а враждебное отношение к нему объяснял тем, что последний «...успел усвоить некоторые правила европейской жизни, почему и не пользуется симпатиями кокандского духовенства, в состав которого входят одних мулл более 5 тысяч».

¹ ЦГА УзССР, ф. Р. 1008, д. 93, лл. 119—123; д. 42, л. 34. Отношение ферганского военного губернатора от 12/XII—1880 за № 9329 о доносах на Саттархана.

Генерал Абрамов сообщал, что из-за постоянных доносов Саттархан подал просьбу об увольнении от должности казия, но он принял меры к тому, чтобы убедить Саттархана остаться в Коканде, «ибо, если по всем поданным доносам люди, нам нужные, полезные и преданные будут оставлять службу, то мы останемся только с людьми, не выносящими ничего русского, подобными кокандскому духовенству».

Враги Саттархана, однако, на этом не успокоились. 23 февраля 1881 года Туркестанский генерал-губернатор получил новый анонимный донос на казия. Позже было установлено, что одним из авторов этих доносов был кокандский житель Мухамеджан Исабаев. 15 апреля поступила еще одна жалоба.

Документы свидетельствуют о том, что Саттархан Абдулгафаров пользовался уважением известного прогрессивного деятеля в дореволюционном Туркестане П. И. Хомутова. В период озлобленных гонений кокандской реакции на Саттархана П. И. Хомутов оказывал ему поддержку всеми доступными ему средствами. Этот факт весьма знаменателен, так как подтверждает, что П. И. Хомутов и возглавляемый им кружок передовых русских людей видели в Саттархане прогрессивного представителя узбекского народа.

Однако дальнейшее пребывание С. Абдулгафарова в Коканде становилось все более трудным. «Не мало огорчений я получал также от влиятельных и богатых мусульман,— пишет он.— Последние пользовались услугами казия для того, чтобы держать в своей зависимости меньшую братию и достигали этого большей частью на счет правосудия. Врагами моими были также фанатичные ишаны и ученые муллы. Они враждебно относились ко всему, что было чуждо для них по своей новизне, они не входили в разбор того, хорошо или плохо было русское нововведение, и часто видели опасность там, где ее вовсе не было, и смущали темный народ. Мне приходилось опровергать ложные опасения мусульманского населения».

Но и в этих условиях, выполняя обязанности казия, Саттархан продолжал просветительную деятельность, настойчиво призывая народ овладевать знаниями.

В 1879 году Абдулгафаров был утвержден почетным смотрителем Кокандского городского училища. В представлении инспектора народных училищ от 8 февраля 1879 года указывалось, что и «казий Абду Саттар, как человек, понимающий высокое знание европейского образования, своим служебным и проверенным авторитетом, несомненно, будет содействовать успеху русской школы среди кокандского населения...»

В 1881 году он покинул Коканд и поселился в Ташкенте, испытывая тяжелую материальную нужду и оставшись, по словам Н. П. Остроумова, «без нравственной поддержки»¹.

С помощью своих русских друзей Саттархан в 1883 году назначается переводчиком Туркестанской туземной газеты, а с августа 1884 до 1889 года — репетитором-практикантом узбекского и персидского языков Ташкентской учительской семинарии. Много и благотворно трудился он в газете и в семинарии.

В 1889 году Саттархан был назначен переводчиком поземельно-податной комиссии при Сырдарьинском областном Правлении. Ему был присвоен чин коллежского регистратора.

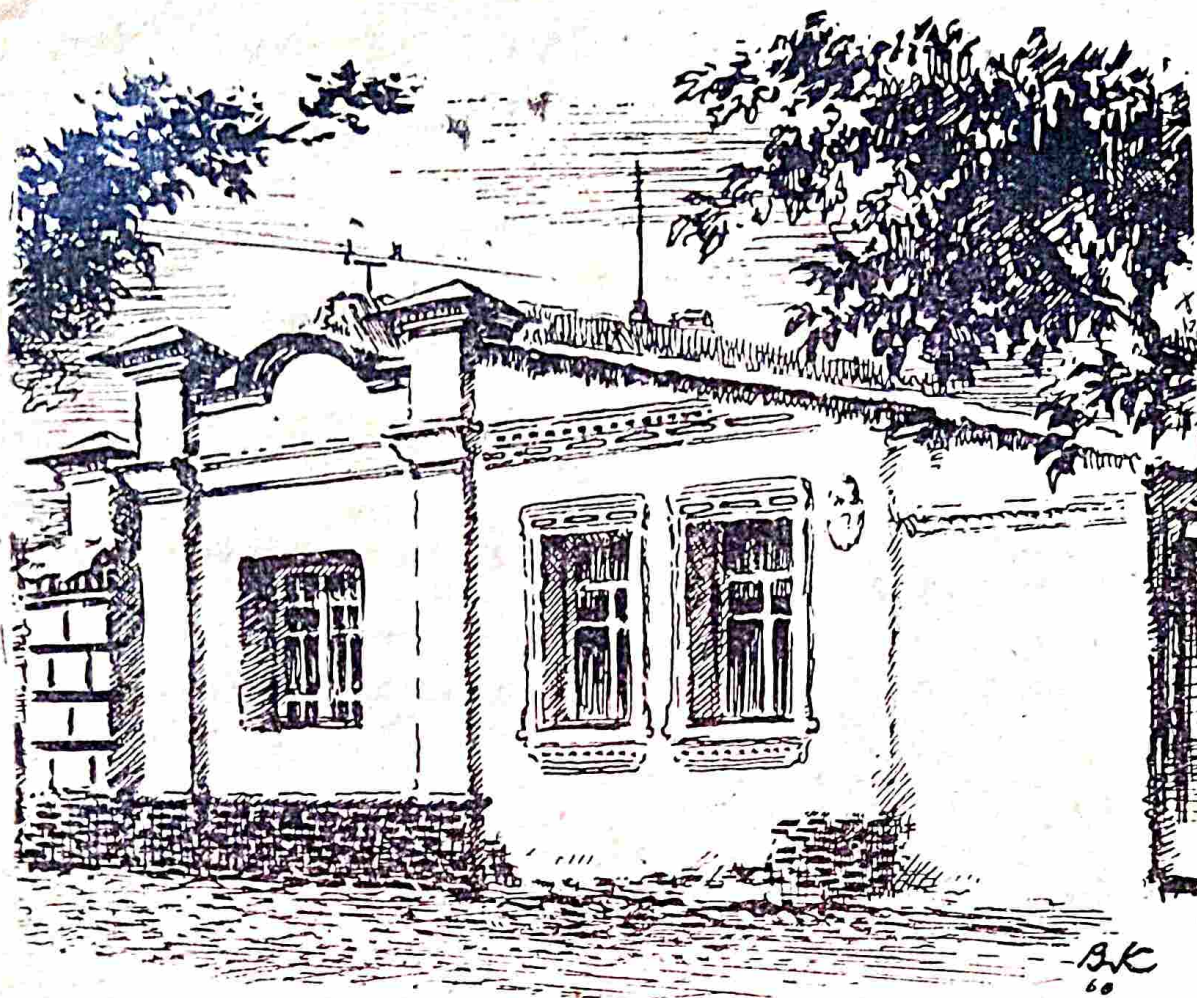
В 1893 году после упразднения поземельно-податной комиссии, он возвратился в Чимкент, где был, будучи отставным губернским секретарем, дважды избирался населением на должность народного судьи, которую занимал в течение шести лет.

В 1899 году Саттархан возвратился в Ташкент и проживал последние годы в своем доме по Московской улице (сейчас улица Энгельса № 47). Умер Саттархан Абдулгафаров 22 декабря 1901 года, тело его было перевезено в Чимкент и погребено на мусульманском кладбище Баба-Дарвиш.

* * *

Богатое рукописное наследство С. Абдулгафарова почти полностью погибло и восстановить его невозможно.

¹ Н. П. Остроумов, касаясь положения Саттархана в 1883 году, писал: «...с тех пор я не оставлял его и считал долгом русского человека поддерживать его, сколько у меня было средств к тому». «Сарты»..., стр. 209.

Дом С. Абдулгафарова на бывш. Московской улице
в Ташкенте (ныне ул. Энгельса, 47).

Рис. худ. В. Кайдалова.

но. Но и те, сравнительно немногочисленные материалы, которыми мы располагаем, позволяют восстановить его взгляды на жизнь и развитие современного ему узбекского общества, представить духовный облик просветителя, его мировоззрение и идеалы.

Неоценимую помощь в этом оказали нам опубликованные статьи С. Абдулгафарова, которые он написал в период работы в Туркестанской туземной газете. Удалось собрать несколько сохранившихся автографов, которые имеют известное значение в решении поставленной нами задачи. Полезными оказались также архивные материалы и особенно биография Саттархана, записанная Н. П. Остроумовым со слов просветителя.

Все эти данные дают возможность представить Саттархана Абдулгафарова как деятеля, твердо убежденного в исторической необходимости и пользе для узбекского народа сближения с русскими, приобщения к их культуре и языку.

Это убеждение, зародившееся в результате общения и совместных занятий с офицером Еникеевым, окончательно укрепилось после поездки Саттархана на Международный конгресс востоковедов и знакомства его с городами России.

Представляют значительный интерес впечатления С. Абдулгафарова о пребывании на конгрессе и в России.

После прибытия в Петербург Саттархан и его спутники явились к председателю съезда ориенталистов, русскому профессору В. Григорьеву. Он сообщил о порядке работы съезда. Первое заседание происходило в актовом зале университета 20 августа 1876 года. Профессор Григорьев в своей речи, обращенной к ученым съезда, сказал, что «среди разъяренного моря разнужданных страстей есть одно спокойное убежище — наука, к которому стремятся ученые всех стран и народов». В доказательство этого он подчеркнул, что на конгрессе присутствуют ученые многих государств Европы и Азии, знающие восточные языки: китайский, еврейский, арабский, персидский, монгольский, турецкий и другие, и что эти ученые имеют только одну цель — стремление к истине.

Саттархан Абдулгафаров писал: «...вместе с европейскими учеными на съезде были представители азиатских народов: китайцы, турки, персы и проч. Мне было удивительно и приятно видеть, как наука сближает людей разных племен и разных вер. Ученые европейцы говорили в заседаниях на разных языках речи, содержания которых я, к сожалению, не мог сам понимать; меня познакомили только с главными мыслями их речей. Наконец, на одном из последних заседаний съезда было и мне предложено сказать несколько слов. Я затруднялся выбрать предмет для своей речи... Подумав о цели этих собраний, я сказал на персидском языке несколько слов о том, что до присоединения Тур-

кестана к России мы, туркестанские мусульмане, жили обособленно, в отчуждении от образованных европейских народов; но теперь мы при посредстве русского народа можем вступить в общение с европейскими народами и сделаемся, таким образом, участниками общечеловеческой жизни и научного прогресса».

Профессор Григорьев ответил на выступление Саттархана также по-персидски и сказал, что присоединение Туркестана не имеет целью только обладание мусульманским Туркестаном, а благо двух соседних народов, русского и туркестанского, и что теперь туркестанское население присоединится к общей жизни человечества. Речь С. Абдулгафарова и ответ профессора Григорьева были выслушаны всеми делегатами конгресса с большим вниманием и вызвали возгласы одобрения.

«Во время заседаний съезда,— писал далее Саттархан,— и после я много думал о том, как образованные народы заботятся о науке и общими силами стараются о распространении знаний между всеми народами. Я своими глазами увидел теперь ученых людей разных стран и узнал, что эти ученые действительно имели основательные познания в истории и языках вышеупомянутых восточных народов. Правительства государств со своей стороны доставляют ученым возможность путешествовать по разным странам, изучать языки разных народов, их нравы и обычаи, сравнивать жизнь разных народов и разъяснять все, что есть непонятного в истории. Свои знания европейские ученые не оставляют только при себе, а печатают их для общего сведения. Эти сочинения переводятся потом на языки разных народов, и таким образом, знания каждого европейского ученого распространяются во всех образованных государствах. Кроме того, ученые разных стран по очереди собираются в разных государствах и обмениваются своими мыслями. Такое отношение европейских ученых и их правительств к науке вызвало у меня уважение к ним».

Заседания конгресса происходили два раза в день. 26, 29 и 30 августа — в праздничные дни, заседаний не было. В эти дни делегаты съезда осматривали достопримечательности Петербурга и окрестности столицы.

«...В музеях мы осматривали разные редкие предметы, касающиеся восточных народов, а в Публичной библиотеке — многочисленные восточные рукописи. Кроме того, нам показали старинные географические карты азиатских стран. Ничего подобного я раньше не видел и с уважением отнесся к собиранию и хранению русским правительством разных древних предметов».

31 августа происходило последнее заседание съезда ориенталистов. Профессор В. Григорьев поблагодарил всех ученых гостей за то, что они почтили Петербургский съезд своим присутствием, а французский ученый де-Рони высказал надежду, что иностранные гости съезда не забудут оказанного им радушного приема и той пользы, какую съезд принес науке.

«...По окончании съезда я и земляки мои, туркестанцы (гг. Джура-бек, Шир-Мухаммед и Абдулла Ниязов), оставались еще некоторое время в Петербурге. В свободное время мы гуляли по городу и беседовали в своей квартире о виденном и слышанном.

Так бывает со всеми людьми, которые не видят, как живут другие народы, даже их близкие соседи. Мы, туркестанцы, жили целые столетия в своей стране и думали, что лучше, умнее и сильнее нас никого нет на свете. От такого взгляда на себя у нас явилось самомнение, а самомнение вело к застою. И мы оказались в положении чуть не малых детей. Я помню, как некоторые туркестанцы и бухарцы, ездившие в Россию при посольствах, по возвращении на родину желали уверить себя и своих соотечественников, что Россия хуже Туркестана и Бухары.

Теперь друзья-соотечественники надеюсь, никто из вас не сомневается, что Россия достигла своего могущества и благоустройства просвещением и близкими дружественными сношениями с соседними образованными народами Европы».

Необходимо подчеркнуть, что к такому образу мыслей Саттархан пришел еще тогда, когда по справедливому замечанию Н. П. Остроумова он был «невольным участником неустроенной русской жизни в Туркестане». Большой ум и способность глубоко мыслить позволили ему смело придти к подобным выводам.

После присоединения Туркестана к России и до конца своей жизни Саттархан был неустанным поборником приобщения родного народа к современным знаниям, к русской культуре, к изучению русского языка, как необходимого средства для этого. Он упорно совершенствовался в знании русского языка и в конце концов изучил настолько основательно, что свободно знакомился с русской классической литературой. Академик В. В. Бартольд и Н. П. Остроумов подтверждают это и отмечают особую любовь Саттархана к творчеству Л. Н. Толстого. В семье просветителя знали и любили русский язык и литературу.

Культурные связи Саттархана с представителями русской науки и культурными учреждениями Ташкента и Петербурга расширялись. В 1878 году в дар Петербургской Публичной библиотеке он отправил рукопись «Мунтахабут Таварих» на таджикском языке.

Саттархан Абдулгафаров и в личной жизни был последовательным борцом против косности, национальной и религиозной замкнутости. Он не ограничивал себя подобно большинству жителей в общении с русскими. Саттархан первый из узбеков построил дом полуевропейского типа, завел в нем русскую мебель. Его семья, в том числе и женская ее часть, носила европейские костюмы, а сыновья обучались в русской гимназии и учительской семинарии.

Еще в 1881 году в № 47 «Туркестанских Ведомостей» Саттархан открыто объявил себя сторонником обязательного изучения русского языка в некоторых медресе. Он был пропагандистом культуры и знаний, работая в системе просвещения сначала в Чимкентской русско-туземной школе, а затем, будучи с 1879 по 1886 год почетным смотрителем Кокандского городского училища. Участвуя на заседаниях педагогического совета училища, он активно выступал за всемерное привлечение детей местных жителей для обучения в русских школах. Плодотворной была его пятилетняя с 1884 по 1889 год педагогическая деятельность в Ташкентской учительской семинарии, учебном заведении, которое сыграло большую роль в развитии школьного образования в Туркестане.

В декабре 1883 года Саттархан был участником съезда городских учителей Туркестанского края, проходившего в Ташкенте. Выступление на съезде¹ является еще одним доказательством его стремлений привлечь в русские школы как можно больше местной молодежи и устранять все, что стояло на пути к этому. Он говорил, что одной из главных причин малой популярности русской школы среди местных жителей является отсутствие среди преподавательского состава русских училищ лица, которое представляло бы интересы мусульманства и гарантировало воспитание у местного юношества неприкосновенности религиозных мировоззрений и отсутствие стремления к насильственному обрусению. Саттархан предлагал допустить в русские школы преподавателя-мусульманина и возложить на него обучение детей местного населения узбекскому языку и началам мусульманской религии. Это окончательно уничтожило бы недоверие местных жителей к русским школам.

В то же время, говорил С. Абдулгафаров, он не видит в этом никакой опасности интересам сближения русского и узбекского народов, лишь бы выбор преподавателей мусульман был обставлен таким образом, чтобы к преподаванию допускались только лица, более или менее «знакомые с европейским образованием и освободившиеся от слепого фанатизма».

Некоторые делегаты съезда (А. Ф. Проневский и другие) считали, что предложенная Саттарханом мера отразилась бы благотворно на привлечении детей мусульман в русские школы и с этой точки зрения заслуживает серьезного внимания. Но большинство делегатов не поддержали предложение Саттархана и оно было отклонено.

В своей речи на съезде Саттархан говорил о том, что практика выборного начала для занятий коренными жителями административных должностей, противна и шариату и бытовым условиям, так как основана

¹ Протоколы заседаний съезда городских учителей Туркестанского края, декабрь 1883 г., стр. 7—8.

на злоупотреблениях и вредна по отношению к русской школе.

«Даже при поверхностном знакомстве с общественной жизнью местных жителей нельзя не заметить, что решающий выбор голоса находится главным образом в руках людей богатых, влиятельных, людей, у которых по преимуществу ни симпатии к русским не успели развиться и окрепнуть, ни традиции самого узкого мусульманства изгладиться».

По мнению Саттархана, выборная мусульманская администрация действовала в духе крайнего консерватизма, парализуя стремление детей местного населения к поступлению в русские школы. Горячий призыв Саттархана к овладению знаниями раздавался со страниц местных газет.

В № 8 и 11 Туркестанской туземной газеты за 1885 год были опубликованы статьи С. Абдулгафарова, в которых он, в частности, писал:

«Я взял на себя смелость высказать в нескольких словах свои мысли относительно знания, хотя эти мысли не новые и не мною самим выдуманы, а были высказываемы и древними учеными и высказываются в настоящее время...»

И далее: «...Нам необходимо изучать себя, то есть исследовать: каковы мы, откуда произошли и куда пойдем, зачем прибыли на эту стоянку (земная жизнь) и для чего мы сотворены, в чем заключается наше счастье... А ключом к этим вопросам служит знание. Знание служит решительным средством к уразумению всего этого и к достижению основных наших желаний и целей. Родов знания много, например: шариат, математика, медицина, астрономия и другие науки. И мы говорим, что приобретение знаний необходимо, а цель такого приобретения состоит в том, чтобы различать истину от лжи и своевременно пользоваться истиною для блага своих ближних и делать им добро...»

«...Каждому известно, что в отношении светских знаний, мы, в сравнении с другими народами, находимся на самой низкой ступени. Если же мы, пробудившись от сна забвения, откроем свои глаза и посмотрим кругом во все стороны, то увидим, что европейские

народы при помощи светских наук привели в исполнение столь полезные дела. Например: они изобрели всем известную паровую машину, телеграф и разные другие машины, посредством которых люди избавились от больших трудов. При помощи пара десятидневное расстояние проходится в один день; известия, которые раньше получались через несколько месяцев, телеграф доставляет теперь в несколько часов; работы, для исполнения которых требовались месяцы, исполняются теперь в короткое время. Результаты таких изобретений достигли и до нашего края после присоединения его к одному из европейских народов — русскому. Когда были устроены мосты на Ходжентской реке и на Чирчике, жители избавились от опасности переправ через большую воду. Подобных этому полезных дел много... Поэтому нам необходимо научиться светским наукам у русского народа и стараться прилагать их к делу, а самым главным средством к изучению этих наук служит знание русского языка, без которого нет возможности достичь научного знания... Русские открыли, как вам, почтенные читатели газеты, известно, в городе Ташкенте школы и тем посеяли семена знания. И если мы оценим это и будем готовы усвоить такие знания, то и сами получим много пользы и заслужим благодарность от своих потомков, когда они воспользуются научными знаниями, — дух наш будет покоен и доволен».

В таком же тоне Саттархан писал в газете и в 1887 году. В своих статьях он призывал к привлечению детей мусульман в русско-туземные школы:

«Конечно, внешнее усовершенствование наше невозможно без усовершенствования внутреннего; внутреннее усовершенствование совершается посредством знания, а знание приобретается обучением и чтением; обучение же и чтение, на каком бы языке не происходило, на языке ли мусульманском или христианском, на европейском, или на каком другом — все равно. Нам необходимо пробудиться от сна и стараться о приобретении таких знаний. И наши почтенные ученые и казии должны говорить, разъяснять и располагать к этому наш простой народ. Между тем, напротив, слышно, что некоторые наши мусульмане говорят, что учиться рус-

скому языку не нужно. Такие слова их неосновательны. Всем мусульманским ученым известно, что Таурат и Инджиль были написаны не на арабском языке, а на еврейском и греческом языках...»

«...Еще разве до подданства нашего Туркестана русскому государству некоторые наши торговцы мусульмане, отправляясь во внутреннюю Россию, не научились и не разговаривали на русском языке? В то время и наши мусульманские государи и ученые не считали грехом и не запрещали говорить на этом языке. И не только торговцы, но и руководитель наших ханов и большинства мусульманских ученых всем известный покойный Миян-Халиль, отправившись послом в Россию, научился русскому языку».

«Вышесказанные мысли я написал для того, чтобы почтенные читатели газеты сами обсудили доказательства того, что изучать русский язык нисколько не противоречит нашему религиозному закону (шариату)».

Знакомясь с выступлениями Саттархана в газетах, мы убеждаемся в том, что всем его статьям присуща одна мысль: убедить соотечественников в пользе и необходимости искреннего сближения с русскими и особой важности изучения русского языка, при посредстве которого народы Средней Азии приобщатся к знаниям. В его представлении это был верный путь выхода к лучшей жизни. Саттархан в этих целях использовал свои обширные знания исламского правоведения и часто в подкрепление призывов к знанию обращался к авторитету популярных среди местных жителей книг, в которых известные шариатские правоведы высказывались за приобретение мусульманами научных знаний и допустимость пользоваться иностранными языками.

Страстный поборник знания и просвещения Саттархан Абдулгафаров занимает особое место в истории культурного развития Узбекистана, как просветитель и демократ, убежденный сторонник сближения узбекского народа с русским, мужественно отстаивающий этот свой взгляд на исторические судьбы родного народа.

С таким же основанием Саттархан может быть назван и крупным для своего времени ученым. Превосходно владея арабским, персидским и узбекским языками и

великолепно изучив русский язык, он внес разносторонний вклад в науку.

Перевод обширного труда по мусульманскому законоведению «Хидая»¹ был исполнен Н. И. Гродековым при активном участии Саттархана, который сличал текст английского перевода с арабским подлинником и во многом способствовал, пользуясь своим знанием арабского и русского языков, правильности перевода на русский язык сложных оборотов подлинника.

Среди опубликованных работ С. Абдулгафарова особое место по своему научному значению имеют: «Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими» и «Мусульманские ишаны». Эти работы ученого явились новым выражением его принципиальных взглядов. В них он с еще большей силой и убедительностью объявил себя врагом национальной ограниченности и религиозной замкнутости, которые охраняют косность и невежество и препятствуют развитию культуры и прогресса.

Больше того, у нас складывается представление, что Саттархан шел к атеизму. В одном из его автографов есть такая запись: «В чем смысл мироздания никто не знает и я тоже не знаю. Не бойся, мой пророк: я не кафир, но и не мусульманин» — это, по-видимому, плод глубоких и мучительных раздумий автора.

Вполне понятно, что взгляды и деятельность Саттархана не могли не встретить самого враждебного отношения со стороны реакционеров и мракобесов. Они предали его анафеме. Саттархан, особенно в последние годы своей жизни, испытывал тяжелые материальные затруднения. Далеко неровным было отношение к нему и царских чиновников.

Н. П. Остроумов вспоминает, что в 1883 году он встретил Саттархана в Ташкенте. Ученый нигде не служил, не имел «не только материальных средств, но и моральной поддержки»². Настроение его было тяжелым и мрачным, и только передовые русские люди оказы-

¹ «Хидая-Фильфуру. Комментарии мусульманского права». Перевод под редакцией Н. И. Гродекова, I—IV томы, Ташкент, 1893.

² Н. П. Остроумов. Цит. соч., стр. 209.

Саттархан Абдулгафаров в последние годы жизни.

Рис. худ. А. Венедиктова.

вали ему поддержку. Чтобы правильно и объективно оценить деятельность Саттархана, следует различать отношение к нему царских властей и прогрессивной части русской интеллигенции в Туркестане. Ведь со многими из тех порядков, которые были установлены в Туркестане колониальной администрацией, Саттархан не был согласен. Мы уже приводили его отрицательное высказывание по поводу системы военно-народного управления.

Мы надеемся, что собранные нами данные о Саттархане Абдулгафарове положат начало глубокому и всестороннему изучению жизни и деятельности узбекского ученого и просветителя.

Нужно, чтобы деятельность и взгляды Саттархана и тех представителей узбекской интеллигенции, современников и последователей его, которые боролись за цели и идеалы, им провозглашенные, нашли свое достойное место в истории Узбекистана и в частности в разработке истории развития общественной мысли узбекского общества.

Глубокое изучение деятельности представителей прогрессивной части узбекской интеллигенции будет самым сильным и уничтожающим ответом всякого рода фальсификаторам истории Узбекистана, ибо лучшие люди узбекского общества понимали и приветствовали сближение с Россией и активно этому содействовали.

«Придет время,— писал Н. П. Остроумов,— когда историк добрым словом вспомнит Саттархана Абдулгафарова». Он был прав, ибо именно только хорошее слово, глубокое уважение и добрую память о себе заслужил Саттархан Абдулгафаров,— человек непреклонной силы воли, удивительного мужества, поразительной ясности мысли, честно и с большой пользой служивший своему народу.

САТТАРХАН — ИСТОРИК

При своих твердых и последовательных взглядах на новые порядки в Туркестане, взглядах для того времени необычных и могущих сложиться только при глубоком понимании подлинных нужд своей страны и народа, Саттархан в то же время был человеком широких и разнообразных интересов. Не мог он, естественно, быть равнодушным и к истории родной страны. Так как для своего времени он был одним из самых образованных людей туркестанского общества, то понятно будет, насколько важны исторические работы Саттархана для туркестановедения, особенно если принять во внимание, что историография Кокандского ханства XIX в. в части трудов местных историков крайне бедна.

Собрание и изучение всех исторических работ С. Абдулгафарова еще ждет своего исследователя, но с ним, этим исследователем мы можем поделиться очень важной на наш взгляд находкой.

Изучая многочисленную и пространную переписку между Н. П. Остроумовым и профессором-тюркологом Н. И. Ильминским, хранящуюся в Казанском государственном историческом архиве, мы обнаружили в одном из писем Н. П. Остроумова доверительное сообщение, что Саттархан в местной печати, в том числе и в «Туркестан вилояти газети», писал под псевдонимом «Абдулла».

В данном случае нам хотелось бы сказать о полузабытом интересном сочинении Саттархана «Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием его русскими».

Очерк этот отдельным изданием не выходил и был лишь напечатан ташкентской газетой «Туркестанские ведомости» в №№ 26, 29, 36 за 1892 год и окончен в № 61 за 1893 год. Очерк Саттархана редакция «Туркестанских ведомостей» сопровождала следующим любопытным примечанием: «Настоящий очерк доставил в редакцию обыватель гор. Ташкента коллежский регистратор Саттархан Абдул-гафаров. Состоя некогда казием в разных городах бывшего Кокандского ханства, он имел возможность собрать точные и достоверные данные о внутреннем быте населения ханства и на основании их составить настоящий труд, весьма любопытный и весьма поучительный для нас, русских. Следует лишь заметить, что автор, как человек не русского происхождения, не в достаточной мере владеет русским языком, но для нас важна не форма изложения, а сущность содержания».

Важность такого примечания станет понятной если учесть, что представление русской администрации и русского туркестанского общества об истории Туркестана, предшествующей присоединению Средней Азии к России, было очень ограничено. Между тем интерес к этой истории увеличивался прежде всего потому, что среди русских в Туркестане в 90-е годы было немало историков-востоковедов и функционировали научные общества краеведческого характера.

События 1892 года в Ташкенте, связанные с так называемым «холерным восстанием», также привлекали внимание историков, в частности по периоду, предшествующему присоединению Средней Азии к России. 16 лет прошло тогда со времени упразднения Кокандского ханства и многих его деятелей уже к тому времени не было, многие были в ссылке в России (Абдурахман Афтобачи, Худояр-хан и др.).

Нужно ли говорить с каким интересом в тогдашнем Ташкенте был встречен очерк Саттархана, автор которого являлся живым, умным и образованным свидетелем и современником сообщаемых в очерке сведений.

«Краткий очерк внутреннего состояния Кокандского ханства перед завоеванием русскими» состоит из четырех разделов: 1. Администрация в Кокандском ханстве; 2. Войска в Кокандском ханстве; 3. Народное образование и 4. Суд.

В первом разделе сообщается принятый в Кокандском ханстве порядок организации администрации как в центре, так и в округах. Он мало чем отличался от состояния управления в Бухаре и Хиве и поэтому нет надобности на этом останавливаться. Укажем лишь те частности, которые на наш взгляд, представляют интерес для читателя.

Во главе округов (вилоятов) были беки и хакимы. Саттархан уточняет различие этих двух должностных категорий. Разница между ними, по словам автора очерка, была «...та, что бек был ханского рода, а хаким из простых граждан. Бек — слово тюркское и значит правитель. Хаким значит начальник». Власть бека не была точно определена. Бек пользовался большею или меньшею властью, смотря по тому, каким он заведывал виллоятом и в каких отношениях находился с ханом. Самую обширную власть имели ташкентский бек и ташкентский хаким; ташкентский бек имел право подвергать смертной казни подчиненных ему лиц, не донося об этом хану. Такой власти не имели другие беки и хакимы. Бек был правителем и вместе с тем начальником войск своего виллоята; он назначал подчиненных ему должностных лиц и сменял их; к беку поступали все казенные сборы, в деньгах и натуре; он расходовал по своему усмотрению

находящиеся у него суммы. Бекон назначались начальники войск, он заботился о вооружении, содержании и обмундировании войск своего округа, он же предводительствовал ими во время войны.

Самые богатые подарки подносились хану ташкентским хакимом Мирза-Ахметом. Его подношения приводили в удивление кокандцев. Ташкент незадолго до завоевания края русскими, благодаря обширной торговле, сильно разбогател.

Доступ к беку был свободен для всех и во всякое время дня и даже ночи. Бек принимал просителей во время чая и обеда, во время развлечений, в дороге, на улице, в мечети и пр. Распоряжения со стороны бека отдавались тут же безотлагательно. Большую часть времени бек проводил в своей резиденции, у себя во дворце. В торжественные дни беку приносили подарки его подчиненные, которых он в свою очередь одаривал. В праздники Рамазана и Курбана бек дарил всем подчиненным так называемые «сарна», то есть халат со всеми принадлежностями убранства. Ташкентский бек, а равно и хаким каждый год весною объезжал подчиненные ему города (ездили всегда верхом). В это время они собирали подати и смотрели войска и крепости; в это же время бек разбирал жалобы на должностных лиц. Распоряжения и решения бека объявлялись словесно; писались на бумаге только грамоты, даваемые должностным лицам.

Бек имел право судить и наказывать. Для вынуждения признания вины у обвиняемого иногда применяли пытки; пытали по преимуществу воров; впрочем, это зависело от усмотрения бека. В этом случае никаких правил, предписанных законом и обычаем, не существовало. Пытки заключались в наказании кнутом. В случае личных столкновений бека с частным лицом, последнее всецело находилось во власти бека, который мог поступить с ним без всякого суда, как хотел. В присутствии бека разбирались особо важные судебные дела, особенно в том случае, когда в этом были заинтересованы сильные партии. Бек наблюдал только за внешним порядком, не вмешиваясь в судопроизводство. Зато он назначал казиев и смещал их по своему усмотрению, за исключением только тех, которые были назначены самим ханом. Бек

назначался из военного сословия, преимущественно из потомков бека, или же из ханского рода; только в таком случае он назывался беком. Но случалось, что бек назначался из придворных бачей, которые, побывав на бекском и ханском дворах с самого детства, успевали изучить в совершенстве придворные нравы и интриги. Такими были Якуб-бек и Мирза Ахмед Кушбеги. Бывали случаи, хотя и редкие, что беками или ханами становились слуги хана. Из числа таких правителей можно назвать Сулейман-Кула и Алим-Кула. Беком назначался человек, во всяком случае не моложе 25 лет, редко из местных жителей, а преимущественно из Коканда, из людей, близких хану, занимавших подходящие должности. Если беками назначались родственники хана, то они могли быть и малолетними. За малолетних беков управляли делами округа регенты. Малолетний бек имел свою печать, которую держал регент. Такими малолетними беками назначались только любимые сыновья хана. Так, наманганским беком был назначен малолетний Худояр-бек, впоследствии Худояр-хан. Тогда ему всего было 12 лет, а соправителем был Мусульман-Кул; затем был беком младший брат Худояра Урман-бек, любимый сын Худояр-хана, — ему было тогда 9 лет или 10 и за него управлял бекством наманганский житель Мулла-Турды-Али. Продолжительность власти бека зависела от продолжительности царствования хана, который его назначал. Новый хан сменял старых правителей и назначал новых. Точно также поступали и сами беки по отношению к своим подчиненным. Таким образом с воцарением нового хана вся администрация края обновлялась. Для ведения книг и деловой переписки у бека были в услужении мирзы из военного сословия.

Дела о преступлениях, которые поступали на рассмотрение бека были: прелюбодеяние, мужеложество, лжеприсяга и воровство. По делам этого рода бек не руководствовался предписанием шариата, а определял наказание по своему усмотрению. За одно и то же преступление в одном случае наказывали, в другом штрафовали и в чрезвычайном случае казнили. Обыкновенно смертной казни подвергались рецидивисты, которых не могли исправить прежде понесенные ими наказа-

ния. Женщин, занимающихся прелюбодеянием, убивали, бросая в мешке с высоты или же душили; мужчин, уличенных в том же преступлении, резали. Воров большею частью вешали, редко сажали на кол или резали. Впрочем, смертная казнь за прелюбодеяние назначалась в весьма редких случаях; за кражу наказание смертью случалось довольно часто. Обвиняемых допрашивал сам бек в одно заседание и тут же выносил приговор; но если приговором назначена была смертная казнь, то она приводилась в исполнение после донесения хану и после испрошения у него позволения. Только ташкентский хаким имел власть приводить в исполнение приговоры, не донося хану.

Бекства были: в Маргелане, Намангане, Андижане, Шагрихане, Чусте, Ходженте, Ура-Тюбе, Кираучи, Ташкенте, Чимкенте, Чиназе, Туркестане, Перовске, Аулие-Ате, Мерве, Пишпеке, Токмаке и в киргизской степи в Иткичу по дороге в Акмолы. В каждом бекстве было свое войско и крепость. Все бекства в нынешних Сырдарьинской и Семиреченской областях подчинялись ташкентскому беку или хакиму. Последний назначал этих беков своею властью и властен был их сменять. Говорили, что ташкентский бек имел казну богаче, чем кокандский хан. В случае виновности бека его судили судом, а хан наказывал его по своему усмотрению.

Не безынтересно привести некоторые из данных Саттархана Абдулгафарова в отношении такой забытой сейчас административной категории, которой был раис. Он назначался из числа почетных жителей ханом или беком. Автор очерка сообщает, какую роль играли раисы в жизни Кокандского ханства. Раис пользовался у населения большим почетом и уважением; имя его внушало страх каждому, не исключая и должностных лиц; как военных, так и гражданских. Он имел наблюдение над общественной нравственностью, благочестием и порядком; на его обязанности лежало следить за исполнением обрядов, религии, со стороны населения, Раис смотрел за тем, чтобы люди не употребляли опьяняющих напитков, к какому бы роду не принадлежали, и не употребляли нюхательного и всякого другого табаку; раис исполнял также полицейские обязанности, так, например,

он ходил по базарам и наблюдал за тем, чтобы употреблялись правильные меры и весы, чтобы не продавались негодные и порченые товары, чтобы на улицах и площадях соблюдалась чистота и опрятность. Раис смотрел за тем, чтобы постройками не загромождали улиц, чтобы имамы учили своих прихожан заповедям божьим и показывали пример добронравия, чтобы богатые отдавали зякет в пользу бедных и т. д.

Заметив какое-либо нарушение, раис немедленно подвергал виновного наказанию. Экзекуцию производили его ученики. Наказания были двоякого рода: виновному или отпускали от 3 до 39 ударов плетью, или срамили его перед народом,водя по городу, зачастую с вещественными доказательствами его преступления. Вещественные доказательства вешали виновному на шею; кто оказывался, например, виновным в употреблении бузы вымазывали лицо и голову, а кувшин с бузою вешали на шею. Наказание плетью приводилось в исполнение тут же, на месте преступления. Когда водили виновника преступления по городу, то его заставляли кричать: «наказание тому, кто пьет бузу, или кто курит кальян» и т. д., соответственно тому, какое совершено было им преступление.

Власть раиса простиралась без исключения над всеми подданными ханства и иностранцами. Раис также наблюдал за тем, чтобы не мусульмане не ездили верхом по городу, не носили чалмы и не опоясывались кушаком. Им позволительно было ездить верхом только за городом, а вместо кушака опоясываться веревкой.

В разделе очерка, касающемся войск Кокандского ханства, сообщается, что армия, состоящая из трех родов войск: кавалерии — сипаев, артиллерии — тупчи и пехоты — сарбазов была очень слабо организована и недисциплинирована.

Преимущественное положение занимала кавалерия. Артиллерия появилась только при Худояр-хане. Офицерской подготовки не существовало и на командные должности в большинстве случаев назначались случайные люди. Армия комплектовалась путем вольного найма. Солдаты составляли отдельную общественную группу наследственного характера. Военное сословие вообще

не пользовалось уважением и признанием. Ни казарм, ни общего довольствия у солдат не было. В мирное время солдаты занимались торговлей, ремеслом или земледелием. За исключением сарбазов, простые солдаты не имели формы и носили обычную гражданскую одежду. Огнестрельного оружия было крайне мало.

Примечательно, что в кокандской армии времен Худояр-хана воинские приемы совершались по командам на русском языке, так как впервые кое-какое систематическое обучение сарбазов и сипаев производили беглые русские солдаты. Их весьма охотно принимали на военную службу в ханстве при обязательном условии принятия мусульманства. О численности армии автор не сообщает, так как это было трудно сделать ввиду отсутствия списков солдат.

В этом же разделе Саттархан сообщает интересные данные относительно военных действий, в которых участвовали кокандские вооруженные силы.

Войны были внешние и внутренние или междоусобные. Внешняя война велась с Бухарою и с бекствами Ходжентским и Ура-Тюбинским. Междоусобные войны были очень часты и велись то против отложившихся беков и городов, то против кипчаков, проживающих в Фергане, то между претендентами на ханский престол. Чаще других отлагались беки ташкентский, ходжентский и уратюбинский. Бекства эти сравнительно недавно вошли в состав Кокандского ханства и не могли забыть утраченной независимости. Кроме того, ташкентский бек по силе и обширности владений соперничал с самим ханом и имел еще на своей стороне то преимущество, что благодаря отдаленности Ташкента от Коканда, поход на Ташкент при путях сообщений того времени был сопряжен с большими затруднениями. Жители городов Ходжента и Ура-Тюбе сами восставали против кокандского владычества, прогоняли бека, назначенного ханом, и ставили своих правителей. Во всех случаях, когда бек восставал против хана, войска бекства были на стороне своего бека. Только когда успех войны явно склонялся на сторону хана, возмущившиеся войска отступались от своего вождя и предавались хану, причем самого бека выдавали хану, если только бек, не спасался бегством.

Возмутившиеся беки и другие начальники обыкновенно бежали к бухарскому эмиру, который всегда принимал их благосклонно и пользовался их услугами при нападении на Кокандское ханство.

Против мятежников посылались войска или из Коканда или из соседних бекств. Мятежники встречали врагов за городом, чтобы показать свою силу, но затем постепенно отступали к городу и защищались за городскими стенами. Взятие города осаждающими или отступление последних решало участь восстания; в первом случае восстание считалось подавленным; в случае же снятия осады кокандскими войсками, возмутившийся бек объявлял себя независимым правителем и власть хана упразднялась во всем вилояте. Беки вмешивались в междоусобные войны претендентов на ханский престол, поддерживая того или другого из соперников. Благодаря содействию ташкентского хакима Канаят-Ша, который восстал против незаконного кокандского хана Ша-Мурат-хана, Худояр-хан вторично завладел престолом, свергнув своего противника.

Во время царствования Худояр-хана, все киргизы нынешних Сырдарьинской и Семиреченской областей, тогда ташкентского бекства, восстали против ташкентского хакима Мирзы-Ахмета. Причиной восстания было обложение населения дополнительными налогами. Возмутившиеся киргизы опустошали сады и поля вне городов и в течение трех месяцев держали под Аулие-Ата в осаде Мирзу-Ахмета. Правда, Мирза-Ахмет рассеял мятежников, но должен был уступить требованию восставших и отказался от обложения их повышенными налогами. За время управления Худояр-хана ташкентские беки несколько раз восставали против кокандского хана. Известны пять таких восстаний. Первое: ташкентский хаким Азиз Парванчи отложился от кокандского хана, будучи недоволен удалением от должности минибаша Мусульманкула, по протекции которого Азиз получил ташкентское бекство. Население города разделилось тогда на две враждебные партии, из коих одна стояла за Азиза, а другая была против него. Восстание было подавлено кераучинским беком Нор-Мухамедом, личным врагом Азиза. Второе: Малля-хан вместе с таш-

кентским беком восстал против своего брата кокандско-хо хана Худояра, но был побежден и бежал к эмиру. Третье: бывший кераучинский бек Нор-Мухамед, сделавшись после свержения Азиза ташкентским беком, отложился от Коканда и, когда Худояр-хан бежал из Коканда от кипчаков, приютил его у себя в Ташкенте, как владетельный бек. Четвертое: при Худояр-хане имело место возмущение киргизов против ташкентского хакима Мирзы-Ахмета, о котором мы говорили выше. Пятое: против кокандского хана дважды восставал ташкентский бек Канаят-Ша; во второй раз он восстал в защиту Худояр-хана, устраненного от престола кипчаками, и помог ему вновь сделаться ханом. Внешние войны велись с бухарским эмиром, а в последнее время с русскими.

Жен с собою в поход не брали. Если бек или начальник отряда долго оставался на одном месте, то брал себе жену из местных девушек. Пленных мусульман отпускали на свободу, неверных заставляли принимать мусульманство и затем оставляли их у себя на службе. В случае несогласия с их стороны принять мусульманство, их убивали или же продавали в рабство.

В разделе «Народное образование» Саттархан в живом, интересном рассказе сообщает данные о мактабах и медресе в Кокандском ханстве, являющихся безраздельной принадлежностью мусульманского духовенства. Эта область находилась вне сферы контроля правительства, за исключением разве назначения в отдельных случаях мударисов.

Внутренний быт медресе, учебные программы и нравы учащихся и учителей мало чем отличались от того, в каком положении находилось это дело повсеместно в Средней Азии, поэтому нет нужды останавливаться на этом. Укажем лишь любопытный эпизод, приводимый автором очерка, который характеризует степень влияния служителей ислама в ханстве. Саттархан пишет: «Однажды ташкентскому хакиму Утап-баю Кушбеги (это было 33 года тому назад в 1859 году) представлен был ривоят во время разбора какого-то судебного дела. Упомянутый хаким бросил этот ривоят на землю, сказав: «Какой это ривоят! В этом ривояте, между прочим,

говорилося: «Сон ученого лучше молитвы невежды». Бывший тут в числе прочих Аглям Салих-бек восстал против такого поступка хакима и составил ривоят, в котором говорилося: «Если кто оскорбит ученого или ученика, тот есть вероотступник и его жены считаются разведенными». Ривоят этот был представлен кокандскому хану Малля-хану. Малля-хан на основании этого ривоята сменил своего любимого хакима Устап-бая, приказал наставить его в догматах веры и вторично перевенчать с женами. Только после этого он был восстановлен в своей должности».

В стране не было общественных библиотек. Коллекции книг находились у частных лиц. Все книги были написаны от руки, за исключением Корана, который печатался в Казани. В крае не было типографии. В последнее время печатные книги стали привозиться из Индии и Константинополя. Книги были очень редки и дороги. Так, например, за грамматику арабского языка платили 6 рублей и больше. Все учебники были на арабском языке. Сочинения писались большею частью на персидском языке; сочинений на местных языках было очень мало. Все местные ученые писали по-персидски; на этом же языке вели они переписку друг с другом; на персидском же языке писались все документы, судебные акты, решения, прошения, распоряжения ханов и беков и все вообще официальные бумаги; исключения были редки. Местные наречия были совсем в забвении.

Некоторые из местных ученых переселялись в Аравию и в Константинополь, где занимали должности учителей. Так, например, туркестанский узбек Юлдаш-ходжа состоял учителем арабского языка в Медине. Сын одного бухарского казия занимал должность цензора книг в Константинополе. Книги на арабском языке писались местными учеными, которые владели арабским литературным языком лучше самих природных арабов. Лучшие учебники и сборники юридических знаний на арабском языке составлены местными учеными, так, например, юридический сборник «Хидая» написан маргеланским жителем и получил распространение во всем мусульманском мире, не исключая Аравии и Константинополя. Книга эта была переведена на английский язык

англичанином Гамильтоном. Перевод этого замечательного сочинения на русский язык был сделан военным губернатором Сырдарьинской области Гродековым.

Из ученых, пользовавшихся известностью при последнем кокандском хане Худояр-хане, были Тура-Домулла Шавиль-уль-Ислам, Мухаммед Садык, казий Калон и Домулла-Касымча. Из писателей были Нияз-Мухаммед и поэт Акмаль, писавший эротические стихи.

Последний раздел очерка — суд в Кокандском ханстве. Автор, будучи много лет казием, конечно, досконально знал этот вопрос.

Особенности судоустройства в Коканде, как и в других областях Туркестана, мало чем отличались прежде всего потому, что имели общую единую основу — шариат, поэтому подробные данные, приводимые в очерке, представляющие интерес только для специалистов — мы опускаем, ограничиваясь приведением некоторых фактов и двух-трех документов. Те и другие помогут читателю уяснить существовавший тогда в Коканде уклад жизни местного общества.

Например, как осуществлялся контроль над деятельностью казиев ханами, говорит случай с казием Мир-Мансуром. За несправедливое якобы решение Худояр-хан велел выщипать этому казию бороду и с тех пор злополучного судью называли «сакалы юлунгань казы» — казий с выщипанной бородой.

«Истец, — сообщает Саттархан, — являлся к казию всегда в сопровождении толпы родственников и одномахаалинцев. Узбекская пословица говорит: «если идешь с жалобой, иди со всеми; если в гости — один». Такого же правила придерживались, обращаясь с прошениями к беку или хану».

Кроме казия, тяжущиеся стороны имели право обращаться по исковым делам к постороннему лицу, которое в этом случае называлось — хакам. Решение хакама признавалось безапелляционным. Интересными документами по рассматриваемому вопросу являются приводимые Саттарханом две грамоты о назначении казиев Ташкентского вилояята.

1. ...«Хотя в настоящее время нет человека, который бы качеством своих поступков приближался к идеалу

[Faint handwritten Persian script]

III

служителя правосудия, тем не менее, применяясь к обстоятельствам времени и усмотрев на лице Хаким-ходжи-Ишана выражения благочестия и законоведения, жалуем его должностью казы — каляна Ташкентского вилоята. Приказываем всему населению вилоята относиться к Хаким-ходже с уважением и почтительностью и обращаться к нему в делах, подлежащих ведению казиза, как-то: в делах брачных и тяжёбных, в делах по совершению разных актов, по охране имущества сирот, без вести пропавших и душевно-больных, по назначению документов над лицами, лишенными отца и деда и т. д.».

2. «...Да будет известно начальникам, должностным лицам и жителям Ташкентского вилоята, что по смерти Мухамед-ходжи-казиза, правитель Ташкентского вилоята Баки-бак Аталык по рекомендации народа на священную должность казиза назначил Шамсутдин-ходжу. Поэтому царской милостью мы утвердили его в должности казиза. Повелеваем ему, чтобы он исполнял предписания шариата точно, чтобы на его нужды выдавалось ежедневно 40 копеек, которые назначены с давнего времени лицам, занимающим эту должность, и чтобы никто не препятствовал ему в отправлении своих обязанностей».

Несомненно очерк Саттархана является серьезным историческим трудом. Наряду с весьма интересными данными по вопросам образования и устройства суда в Кокандском ханстве, автор дает важные сведения о политической истории ханства, касающиеся отношений между центральной властью и управителями отдельных бекств. Приведенные в очерке пять случаев, когда правители Ташкента объявляли себя отложившимися от Кокандского ханства, являются убедительным свидетельством той внутренней слабости ханства в XIX веке, которая свойственна вообще слабоцентрализованным владениям. Это же подтверждают и данные очерков об организации армии ханства.

Историки найдут в очерках Саттархана подтверждение той активной борьбы с Кокандским ханом в XVIII и XIX веках, которую вели господствующие классы Ташкентского вилоята за независимость. Разумеется,

выяснение самых подробных данных по каждому из упомянутых пяти случаев сепаратистского движения ташкентцев, составляет важную и неотложную задачу.

Интересны также сведения об ученых которые приводятся в очерке, хотя, по-видимому, это были главным образом шариятские правоведы.

В целом же при любом исследовании истории Кокандского ханства XVIII—XIX веков игнорировать очерки Саттархана ни в коем случае нельзя. Они — результат правдивого свидетельства и должны быть полностью использованы нашими историками.

СТАТЬЯ САТТАРХАНА «МУСУЛЬМАНСКИЕ ИШАНЫ»

Большой интерес представляет статья Саттархана «Мусульманские ишаны», опубликованная в 1895 году в центральной печати, а затем с согласия автора помещенная Н. П. Остроумовым с некоторыми дополнениями из официальных документов в этнографическом сборнике. По поводу этой работы Н. Лыкошин писал, что статья Саттархана «представляет, вероятно, единственный в своем роде труд, критикующий установившиеся веками отношения между народной массой и ее религиозными руководителями».

Действительно в литературе того времени, относящейся к изучению суфизма и практической деятельности ишанства, труд Саттархана явился новым словом. Сам автор писал, что «в русской литературе до сих пор очень немного было известно о мусульманских ишанах, частью потому, что весьма немногие интересовались этим вопросом, а главным образом потому, что русскому человеку трудно и разобраться в этом вопросе. Ишанство представляет собой своеобразное явление в мусульманстве и может быть правильно описано и истолковано только мусульманином, которому приходилось лично сталкиваться с ишанами и наблюдать их деятельность в разное время и при различной обстановке. Вот почему я, как уроженец Туркестанского края, решаюсь высказать несколько своих наблюдений над туркестанскими ишанами»¹.

¹ Саттархан «Мусульманские ишаны» — Н. П. Остроумов, «Сарты», изд. 2, Ташкент, 1896, стр. 216.

Опубликование такой работы при той степени влияния ишанов было смелым шагом со стороны Саттархана. Требовалось большое мужество, чтобы открыто высказать взгляд о вредной деятельности ишанов, которые препятствуют не только сближению местных жителей с русскими, но и вообще просвещению народных масс, находя в этом лучшее средство для своего обогащения.

Н. П. Остроумов сообщал в своей книге, что Саттархан неоднократно и с глубоким убеждением высказывал взгляд, что важнейшей причиной существовавшей тогда косности и многих предрассудков являлась деятельность ишанов.

В начале статьи автор излагает общеизвестные сведения об ишанах, указывается, что в Туркестанском крае были еще и наследственные ишаны, являвшиеся потомками знаменитого ишана Раббани, жившего в Герате в XV веке, и излагается порядок получения этого звания людьми предприимчивыми, не являвшимися потомками гератского ишана.

Затем сообщается, чем занимались ишаны, степень их влияния, особенно среди женщин, а также, как образовывался в Средней Азии институт мюридизма. «Всего легче начинать карьеру ишана,— пишет Саттархан,— в Намангане. Жители этого города отличаются наивностью, простотой нравов и необыкновенно суеверны. Там нет ни одного жителя, который бы не был мюридом какого-либо ишана». Чимкентский товарищ Саттархана по училищу, мулла Закир, по совету чимкентского казия Ай-Мухаммада, отправился в Наманган и там объявил себя ишаном. Через 5 лет он очень пополнил, «на нем была хорошая одежда и в кармане порядочные деньги». Саттархан спросил его, откуда у него взялось все это, и он ответил, что «богатство и довольство дало ему ишанство в Намангане»¹.

Саттархан приводит ряд примеров того, какими приемами пользовались ишаны для обмана простых людей.

Из ишанов, принадлежащих к потомкам Раббани, в Коканде, во время Худояр-хана, был Миян-Фазлий

¹ Н. П. Остроумов, «Сарты», изд. 3, Ташкент, 1908, стр. 212—213.

Ахад, а в Ташкенте Миян-Халиль. К числу ишанов, не принадлежащих к потомкам Раббани, следует отнести: в Ташкенте Ахмада-Хальпу, а в Коканде — Аптмыша и Тальки-Суфи-Бадаля.

Однажды ишан Миян-Фазлий прибыл в Чимкент. Это было до прихода русских. Ишан остановился здесь проездом в Туркестан, по дороге посещал могилы имамов и ишанов. Около одного кладбища, которое не имело еще могилы святого, приезжий ишан сказал: «Здесь тоже есть могила святого, именно Саиб-Баба». Затем, приняв вид муракаба, то есть человека созерцающего, он наклонил голову и опустил глаза. Постояв некоторое время в таком положении, ишан сказал: «Я ошибся, здесь нет тела такого святого, о котором я говорил; святой этот только проходил через местность, где расположено кладбище». Такое место у мусульман носит название кадам-джай. Все присутствующие удивились такой прозорливости ишана и приписали это чуду.

Об этом случае рассказывал Саттархану его отец в полном убеждении, что ишан обладал даром предвидения. На месте, указанном ишаном, поставили жердь, увешанную тряпками, — знак, что место это священо.

Ишан Миян-Фазлий пользовался большим влиянием в столице Кокандского ханства, но хан Мадали был недоволен им за то, что ишан давал убежище государственным преступникам и присваивал себе их имущество, подлежащее конфискации. Мадали-хан велел ишану убраться за пределы ханства, и тогда Миян-Фазлий уехал в Мекку. В это время бухарский эмир напал на Кокандское ханство, взял в плен самого Мадали-хана и казнил его. Все стали толковать этот случай как наказание божие за изгнание ишана.

Когда Саттархан был еще мальчиком, в Чимкент приехал из Коканда ишан, якобы совершавший чудеса. По приказанию отца, Саттархан отправился к ишану с двумя своими сверстниками. В саду какой-то человек совершал омовение. Он был в белом халате и в такой же тюбетейке. Его окружали несколько человек: кто держал рукомойник, кто полотенце, кто стоял без дела, готовый исполнить приказание этого человека. Саттархан сказал своим товарищам: — «Вот, вероятно, ишан».

Слова Саттархана слышали мюриды, окружавшие ишана и бывшие около его дома. Когда ишан вошел в помещение, Саттархан и его товарищи почтительно подошли к нему. Ишан сказал тогда, обращаясь к Саттархану: «Вы говорили между собой обо мне (ишан указал на себя) и повторил слова, сказанные Саттарханом. Этим он хотел удивить всех и показать, что не слыша, знает, что говорили юноши. Присутствующие легковверные мюриды приняли это за чудо; но Саттархан был убежден, что его слова, обращенные к товарищам, были переданы ишану кем-либо из лиц, окружавших его.

«К ишану стали обращаться бездетные женщины в надежде получить талисман против бесплодия. Ишан велел женщинам собраться к нему и ночевать в его доме. Пришли десять женщин и все они остались ночевать у ишана. Между ними была соседка Саттархана, Рузыджан, жена Алибая. Когда женщины вернулись домой. Алибай спросил свою жену: «Нет ли нам какой надежды на детей?»—«Мы несчастны,— отвечала ему жена,— а счастливы Аимджан и ее муж Рузыбай... Дело происходило так,— продолжала Рузыджан,— когда мы, женщины, пришли к ишану, последний оставил нас ночевать у себя и объявил нам, что он не бог, всем не может дать детей, но что он будет молиться богу, и бог пришлет своего ангела ночью в образе его, ишана. Мы ожидали ангела с нетерпением, и каждая из нас лелеяла мысль, что ее осчастливит своим посещением ангел божий. Ночью, когда мы все лежали, явился ангел, похожий на ишана, в его одежде, и стал рассматривать нас поодиночке. Он остановится на жене Рузыбая красавице Аимджан и с нею спал».

Алибай стал смеяться, говоря: «Я очень рад, что бог не послал своего ангела к мой жене». Он пошел в мечеть и рассказал обо всем этом соседям. Одни верили, а другие считали это вымыслом, но репутация ишана от этого не пострадала: многие из его мюридов, выслушав Алибая, признавали деяние ишана за чудо»¹.

¹ 23 июля 1898 г. житель Кукчинской части Ташкента М. З. заявил полиции, что в этот день скрылась его жена 16 лет. Пропавшая была найдена в Бешагачской части у ишана. («Туркестанские ведомости», №№ 56, 58 за 1893 г.).

Через некоторое время этот же ишан приехал в Чимкент под предлогом посетить своего чимкентского коллегу. Когда приезжий находился в гостях у ишана, во время угощения он как бы очнулся и сказал: «За городом есть могила святого Кочкар-ата; там горят две свечи, одна для меня, другая для вас, дух святого приглашает меня и вас к себе». После этих слов оба ишана и их мюриды отправились на могилу Кочкар-ата и действительно нашли там две горевшие свечи. Все сочли это за великое чудо, ишану посыпались обильные подарки. В действительности, свечи были поставлены на могилу одним из мюридов ишана. Впоследствии хан Худояр приказал повесить ишана за подобные фокусы.

В Бухаре при Насрулла-хане (1827 г.) был ишан, который одному из своих мюридов приказал притвориться хромым, другому слепым. Мюриды несколько лет выдавали себя один за хромого, другой за слепого. Однажды от ишана потребовали чуда, и он на глазах у всех, «исцелил» мюридов.

В Ташкенте при Худояр-хане и в первое время после присоединения к России, славился ишан Ахмад-Хальпа. Он жил то в Шейхантаурской, то в Бешагачской части города. Ишан был очень богат, имел много садов и земель, у него было несколько жен и огромное семейство. Ахмад-ишан был широко образован, но в религии слыл большим либералом, толковал Коран по-своему и не считал его божественной книгой, находил в нем много противоречий. В самоуверенности он дошел до того, что стал величать себя пророком. «Хотя Мухаммад и сказал,— говорил Ахмад-ишан,— «что он (Мухаммад) последний из пророков, но это неправда: пророки должны являться и после Мухаммада от времени до времени».

Такие вольные мысли и слова Ахмад-ишана вызывали негодование ташкентских ученых, а самый влиятельный в то время ташкентский ишан Абдул-Касым просил бухарского эмира исходатайствовать у русского правительства высылку из края Ахмад-ишана за его противорелигиозные речи. Но народ очень любил и уважал Ахмад-ишана. Он имел мюридов во всем крае, не исключая и Бухары, и многочисленных последователей в Ташкенте, Коканде, Самарканде и в киргизской степи.

Ахмаду-ишану приписывается много «чудес». О его замечательных деяниях написал целую книгу преданнейший мюрид ишана, бывший муфтий Мингаджиддин. Он превозносил ишана до небес и приписывал ему такие деяния, к которым ишан вовсе не был причастен.

Саттархан приводит еще один случай из жизни ишанов. Однажды из Коканда в Чимкент приехал какой-то ишан и познакомился с местным ишаном Анар-Мухаммад-аглямом. Они сговорились ехать в Аулиеатинский уезд к степным киргизам собирать пожертвования. Так как обоим тамошние киргизы не знали, то чимкентский ишан предложил кокандскому такое условие: «я тебя буду хвалить как замечательного и знаменитого ишана, а все вырученное будем делить пополам». Кокандский ишан согласился и они поехали. Собрав у киргизов подарки, ишаны воротились и начали разъезжать по окрестным селениям Чимкента. Собрав и здесь пожертвования, они приехали в Чимкент. На требование чимкентского ишана — разделить собранные пожертвования, кокандский ишан отвечал, что он не намерен делиться, потому что пожертвования были собраны там, где его хорошо знают и любят. Об этом мол сам чимкентский ишан возвещал всем верующим. Ишаны переругались. Потребовалось вмешательство казия, который с трудом помирил ишанов.

Саттархан Абдулгафаров заканчивает свою статью сведениями о деятельности ферганского ишана Мухаммад Али Сабирова, известного под именем Минг-Тюбинского и Дукчи-Шиана, который, как известно, возглавил андижанское восстание в 1898 году и нападение на лагерь 20 Туркестанского линейного батальона.

Если даже сейчас строки статьи Саттархана являются остро антирелигиозными, убедительно разоблачающими злонамеренные козни ишанов, то можно себе представить какое впечатление произвела статья во время своего первого опубликования.

Непримиримым и убежденным врагом ишанства выступает Саттархан Абдулгафаров — просветитель и демократ.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Саттархан Абдулгафаров. Очерк жизни и деятельности	6
Саттархан — историк	22
Статья Саттархана «Мусульманские ишаны»	42

Александр Павлович Савицкий

САТТАРХАН АБДУЛГАФАРОВ — ПРОСВЕТИТЕЛЬ-ДЕМОКРАТ

Издательство «Узбекистан» — 1965 — Ташкент

Редактор Н. С. Г и м м е л ь ф а р б
Художник К. П. Н а з а р о в
Художественный редактор М. З. Г у м а р о в
Технический редактор А. Б. Б а х т и я р о в
Корректор Д. У м а р о в а

*

Сдано в набор 17/II 1965 г. Подписано к печати 6/V 1965 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 1,5. Усл. печ. л. 2,52. Уч.-изд. л. 2,27.
Индек с/эк. Р 01077. Тираж 3000.

Издательство «Узбекистан» Ташкент, Навои, 30.
Договор № 567—64.

Типография № 2 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати.
гор. Янгйюль, ул. Чехова, 3. Цена 6 к.

Заказ № 33.

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ (с дополнениями В. А. КРАЧКОВСКОЙ)

НАДГРОБНАЯ ПЛИТА 'АБД АС-САТТ'АР Х'АНА

(К 15-ЛЕТИЮ КОНЧИНЫ И. Ю. КРАЧКОВСКОГО)

21 апреля 1939 г. академик И. Ю. Крачковский получил из Казахстанского филиала Академии наук СССР в Алма-Ате письмо за № 120-и с просьбой дать датировку мраморной плиты, найденной в 1938 г. в окрестностях г. Чимкента, а в случае возможности и расшифровку надписей. Письмо подписали ученый секретарь А. А. Савченко, заведующий Историческим сектором А. Баймураин, археолог Б. Н. Дублицкий. К письму была приложена фотография плиты; на обороте указано, что она поступила в Южно-Казахстанский областной музей в г. Чимкенте в 1938 г. Размеры: $1.12 \times 0.61 \times 0.03$ м.

И. Ю. Крачковский по недосугу поручил мне списать текст, затем уточнил транслитерацию неясных мест, кроме одного слова и испорченных окончаний строк слева. Сохранилась страница черновика карандашом моей рукой с добавлениями И. Ю. Крачковского также карандашом, его же рукой написан перевод текста и комментарий (два с половиной листка карандашом). Все было переписано и направлено в Алма-Ату.

22 мая 1939 г. археолог Б. Н. Дублицкий от имени Исторического сектора КФАН благодарил в письме за расшифровку надписи и сообщал об отправке всех материалов в Южно-Казахстанский областной музей в г. Чимкенте, где предполагалось выставить плиту. Тут же дано объяснение, каким образом плита оказалась в Историческом секторе КФАН: «Плита была отобрана от местной заготовительной организации, которая на ней производила рубку капусты, что немного испортило левую середину доски».

Чистовые копии текста, перевода и сопроводительного письма И. Ю. Крачковского не сохранились, но есть еще два листочка биобиблиографических заметок, связанных с комментарием надписи, именно с хронологической канвой жизни усопшего.

Орфография И. Ю. Крачковского сохранена без изменений.

(В. К.)

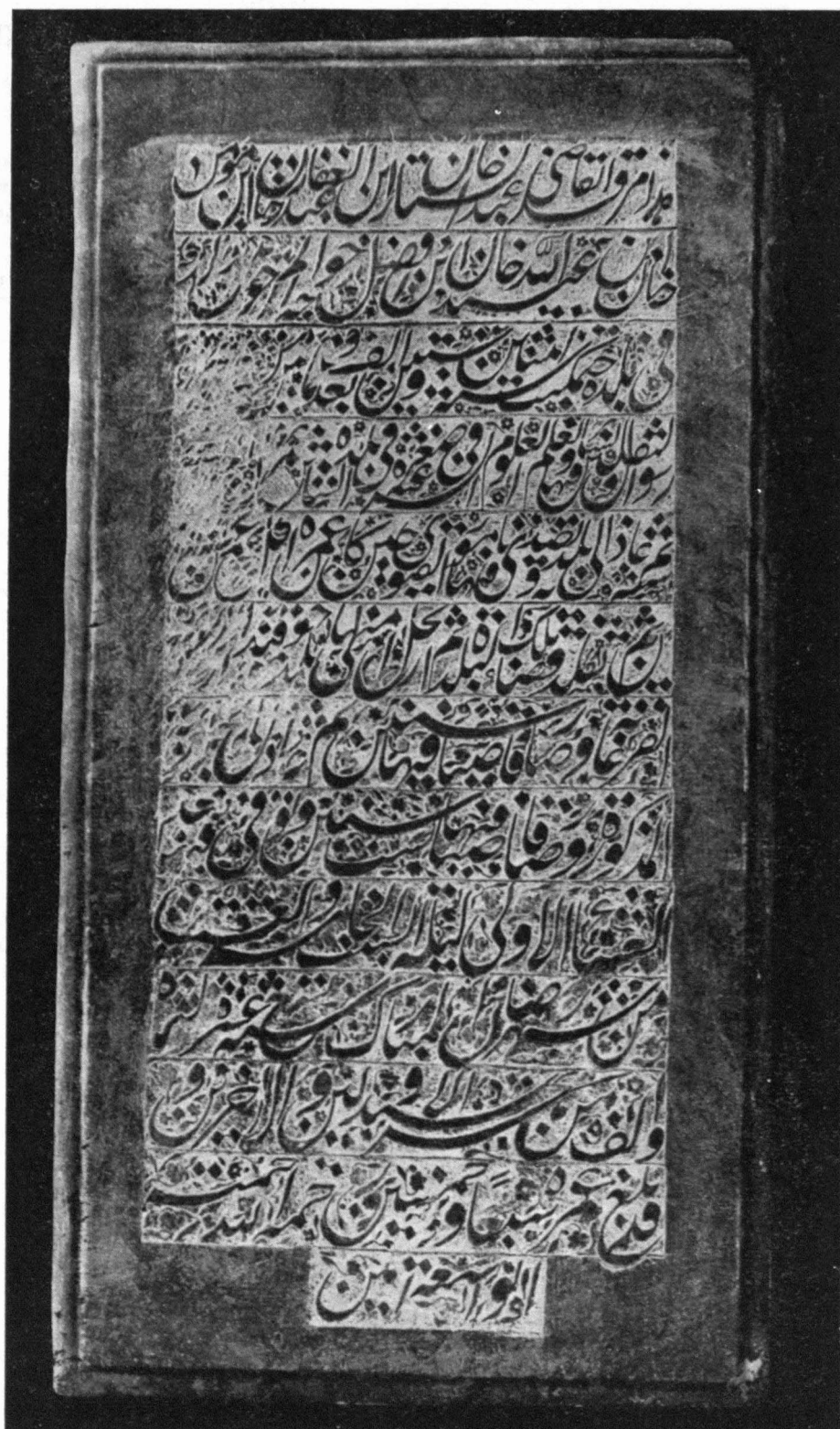
Текст врезан отступая от края, образуя рамку; 12 строк, 13-я короче; строки предварительно разграфлены. Почерк тщательный; обильная пунктуация; мало огласовки; по фону разбросаны цветочные веточки (рисунк).

Текст

- (1) هذا مرقد القاضي عبد الستار خان ابن عبد الغفار خان ابن مومن
- (2) خان ابن عبيد الله خان ابن افضل حواجه المرحوم ولد
- (3) في بلدة جمكننت سنة اثنى وستين بعد الف ومائتين من [هجرة ...]
- (4) رسول الثقليين ونشأ فيها وتعلم العلوم الشرعية في صغره في بلدة الشاش ...
- (5) سنة ثم عاد الى بلده وتصدى فيها بامور الصوى¹ حين كان عمره اقل من عشر
- (6) ين ثم تقلد قضاء تلك البلدة ثم ارتحل منها الى بلدة خوقند ...
- (7) القرغانة وصار قاضياً فيها ستين ثم صار الى ...²
- (8) المذكورة وصار قاضياً فيها ست سنين وتوفي فيها بعد
- (9) العشا الاولى ليلة السبت الخامس والعشرين
- (10) من شهر رمضان المبارك سنة تسع عشرة وثلثمائة

¹ См. стр. 61.

² См. стр. 61.

Надгробная плита 'Абд ас-Саттар хана.

- (11) والف من هجرة سيد الاولين والاخرين و
 (12) قد بلغ عمره سبعاً وخمسين رحمه الله رحمة
 (13) الواسعة امين

Перевод

- 1) Это — место упокоения судьи Абдуссаттар-хана сына Абдулгaffар-хана сына Мумин-
- 2) хана сына Убайдуллах-хана сына Афдал-ходжи покойного. Родился он
- 3) в городе Чимкенте в году шестьдесят втором после тысячи двухсот от хиджры (...)
- 4) посланника к обоим сонмам и вырос там и обучался шари'атским наукам в юности в городе Шаше (... дцать)
- 5) лет. Потом вернулся в свой город и принялся за дела
 { воды
 { семьи,³ когда возраст его был меньше двадца-
 { путей
- 6) ти. Потом ведал судом в этом городе, потом уехал из него в город Коканд (...)
- 7) Фергану и был судьей там два года. Потом отправился в (...)
- 8) упомянутый и был судьей там шесть лет и скончался там после
- 9) наступления темноты в ночь субботы двадцать пятого
- 10) месяца рамадана благословенного года триста девятнадцатого
- 11) после тысячи от хиджры господина первых и последних. И
- 12) жизни его исполнилось пятьдесят семь, да помилует его Аллах милосердием своим
- 13) объемлющим. Аминь.

Комментарий

Фотография воспроизводит надпись на могильной плите известного деятеля второй половины XIX в. Саттар хана (1846—1902), о котором неоднократно упоминает В. В. Бартольд.⁴ Кроме связи надписи с определенным историческим лицом, она интересна тем, что дает некоторую хронологическую канву его жизни; в обычных могильных надписях это не встречается.

Надпись сохранилась хорошо, только слева в конце строк 3—7 стесано, к сожалению, несколько слов. В третьей и пятой это роли не играет, так как стертые слова восстанавливаются по догадке; в четвертой, к сожалению, исчезла цифра лет, в седьмой — название места, как, вероятно, и в шестой.

Понимание надписи затруднений не представляет: неясным остается только одно слово в строке пятой, определяющее первую должность Абдуссаттара в молодости. Знакомство с его биографией, о которой, вероятно, сохранилась на месте письменная или устная традиция, поможет понять и это слово и, быть может, восстановить уничтоженные слова в конце строки четвертой, шестой и седьмой.

Строки:

- 3) 1262 г. х. соответствует 1846 г. н. э. В конце строки стерто два слова: слово „хиджры“ восстановлено по догадке, за ним следовал еще какой-то эпитет Мухаммеда.
- 4) „Оба сонма“ — по мусульманской терминологии люди и джинны. В конце строки цифра лет; по форме слова „лет“, начинающего строку 5, ясно, что могло стоять только число не меньше одиннадцати.

³ Три варианта перевода слова الصوى 'воды', 'семьи', 'путей' зачеркнуты (см. стр. 62).

⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 170, 177, 184.

- 5) После слова „дела“ стоит ясное начертание ал-с. в. й, которое не дает подходящего смысла. По-арабски можно читать его ас-сувā со значением 'подорожные столбы, могильные памятники', но едва ли была должность заведующего ими. Сомнительно предполагать в хорошей надписи ошибку и видеть здесь слово „фетва“; также сомнительно видеть турецкое слово „су“ 'вода' с арабским членом. Первая должность 'Абд ас-Саттāра без знакомства с его биографией остается неясной.
- 6) В конце стерто два слова.
- 7) В конце стерто два слова; одно может быть „Чимкент“.
- 9—10) 25 рамадана 1319 г. х. соответствует 5 января 1902 г.
- 11) „Господин первых и последних (поколений)“ — Мухаммед.
- 12) 57 лет по счету лунных годов.

ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

И. Ю. Крачковский, устанавливая в 1939 г. личность усопшего по чимкентской плите, ссылаясь в комментариях только на труд В. В. Бартольда „История культурной жизни Туркестана“, не упоминая источника сведений В. В. Бартольда — „воспоминаний“ 'Абд ас-Саттār хāна, опубликованных Н. П. Остроумовым.⁵ Однако И. Ю. Крачковский изучал веки жизненного пути усопшего по автобиографии после составления комментария. Сохранился листок выписок карандашом:⁶

Автобиография 132—149 (дополн. 149—154
 родился в 1259/1843 г.)
 14 лет в Ташкент медресе Шукур Хан учился шесть лет
 1279 (1862) в Чимкент муфтием — 136
 до 1280 (1864) взятия русскими — 137
 до 1889 г. — 149
 портрет 155
 Коканд кази до 1881 г. — 146
 1883—1889 Ташкент 149.

Заметки на листке не были учтены в комментарии, иначе И. Ю. Крачковский отметил бы расхождение даты рождения 'Абд ас-Саттār хāна: на плите, строка 3, выписан 1262 г. х., а в автобиографии — 1259 г. х.; три года разницы.⁷

Не очень удачное начертание слова на строке 5 с обозначением первой должности 'Абд ас-Саттār хāна в Чимкенте смутило И. Ю. Крачковского: косой овал небольшой петли фā с тесно прижатым маленьким зубчиком среднего тā вместе напоминают букву сād. Чтение „фетва“ было отвергнуто. В настоящее время проф. В. И. Беляев, на словах и не видя фотографии, предположил интуитивно, что в сомнительном слове кроется звание муфтия; это удается подтвердить палеографическими данными и словами автобиографии.

Относящиеся к слову الفتوى ромбовидные точки существуют; они образуют треугольник над алифом и лāмом, причем верхняя точка бледная, с царапиной; две точки конечного йā расположены под овалом петли фā и маленьким зубчиком тā. Треугольная группировка ромбиков-точек в этой надписи применена не только для пунктуации тā и шйн, но и комбинированно, а именно: к первому слову строки 5 سنة в конце его над ā стоят три точки для обозначения нун-тā.

Таким образом, в строке 5 следует читать вместо ... بامور الصوى — بامور الفتوى... „...за дела фетвы...“. Вот слова 'Абд ас-Саттār хāна: „Достигши двадцатилетнего возраста, я в 1279 (1862) г. был назначен в Чимкент муфтием“. Далее он перечислил обязанности муфтия.⁸

⁵ Н. П. Остроумов. Сарты. Этнографические материалы. (Общий очерк). Изд. 3-е, доп., Ташкент, 1908.

⁶ Трехзначные цифры соответствуют страницам указанного издания Н. П. Остроумова.

⁷ Н. П. Остроумов. Сарты, стр. 136.

⁸ Там же.

Чимкентским муфтием 'Абд ас-Саттар хан пробыл всего два года, до взятия Чимкента русскими 22 сентября 1864 г., когда он бежал в Ташкент, „прожил в нем около месяца...“, выбрался оттуда к чимганским горам и вернулся к обязанностям муфтия в родном городе. „Так прожил я года три, думая и чувствуя по-прежнему ... нас не оставляла еще надежда на помощь бухарского Амира“.⁹

Между 1867—1874 гг. в судьбе 'Абд ас-Саттар хана совершился большой перелом. Он случайно познакомился с русским офицером Еникеевым, учился у него русскому языку, оставаясь муфтием. Соплеменники порицали его за русофильство, добились отдачи под суд и отставки от обязанностей муфтия. Потом он был реабилитирован и назначен қадй, но через 9 месяцев снова не у дел. По совету Еникеева он поступил тогда учителем мусульманской грамоты в русскую школу в Чимкенте в 1874 г.¹⁰

Ни приобщение к русской культуре, ни суд, ни отставки, ни преподавательская деятельность¹¹ не отражены в строке 6 надписи, но слова в конце ее „...потом уехал из него [Чимкента] в город Коканд“ относятся к 1876 г. Виновником перемещения и изменения деятельности был полковник Корольков — ревизор. „Когда он б[ыл] назначен начальником Коканда, то вызвал меня в Коканд на должность казия“. Через 3 месяца генерал-губернатор отправил 'Абд ас-Саттар хана вместе с тремя соотечественниками на III Международный конгресс ориенталистов в С.-Петербург. Описание путешествия в автобиографии, изумление и восхищение увиденным можно сопоставить в некоторой степени с описанием путешествия Шейха ат-Тантави из Египта в Россию и пребывания его в С.-Петербурге.¹²

'Абд ас-Саттар хан после конгресса вернулся в Коканд и оставался там муфтием до переселения в Ташкент в 1881 г.; с 1883 г. он работал переводчиком в местной газете, а с августа 1884 г. по март 1889 г. состоял репетитором-практикантом сартского и узбекского языков при Туркестанской учительской семинарии, директором которой состоял с 1884 г. Юлиан Фомич Крачковский (отец академика И. Ю. Крачковского). Он „переменил почти весь состав учителей ... выработал проект обучения учеников языкам сартскому, персидскому и арабскому“. В 1888 г. Ю. Ф. Крачковский с семьей вернулся в Вильну, а в 1889 г. 'Абд ас-Саттар хан покинул Туркестанскую учительскую семинарию. Главная педагогическая работа выдающегося чимкентца связана с инициативой Ю. Ф. Крачковского¹³ и протекала под его руководством.

В 1889 г. 'Абд ас-Саттар хан — переводчик в одной комиссии при Сыр-Дарьинском областном правлении, но вскоре оказался за штатом и вернулся к обязанностям қадй Чимкента. Следовательно, в конце строки 7 надписи стояло название города „Чимкент“.

... وصار قاضياً فيها ست سنين وتوفي... '...и был судьей там шесть лет и скончался...' (строка 8) в 1319/1902 г.

В строке 8, как и в строке 3, число лет, 6, не сходится с официальными сведениями из дела Управления учебными заведениями Туркестанского края, по описи 1879 г., № 30, которые использовал Н. П. Остроумов.¹⁴

⁹ Там же, стр. 137; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 177.

¹⁰ Н. П. Остроумов. Сарты, стр. 138—139; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 130, 131, прим. 1; стр. 170.

¹¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 170.

¹² Н. П. Остроумов. Сарты, стр. 140—145; И. Ю. Крачковский. Неизвестное сочинение Шейха Тантави. ДАН-В, 1927, стр. 118—186; Новая рукопись описания России Шейха Тантави. ДАН-В, 1928, стр. 302—305; Шейх Тантави профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Тр. Комиссии по истории знаний, 8, Л., 1929, Введение, стр. 4; гл. I, стр. 28—35; гл. III, стр. 70—72.

¹³ См.: Юлиан Фомич Крачковский. Биографический очерк. Составил В. Голуб. Вильна, 1904 (оттиск из Отчета Виленской публичной библиотеки за 1903 г.), стр. 27, 29, 30.

¹⁴ Н. П. Остроумов. Сарты, стр. 147—149, прим.*.